

БУДУЩЕЕ КЛИНИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ – 2023

Материалы XVII Всероссийской
научно-практической конференции
с международным участием
(г. Пермь, ПГНИУ, 8 июня 2023 г.)

Выпуск 17

THE FUTURE OF CLINICAL PSYCHOLOGY – 2023

Materials XVII All-Russian
Scientific and Practical Conference
with International Participation
(Perm, PSU, June 8, 2023)

Issue 17

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**БУДУЩЕЕ
КЛИНИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ – 2023**

Материалы XVII Всероссийской научно-практической
конференции с международным участием
(г. Пермь, ПГНИУ, 8 июня 2023 г.)

Выпуск 17

**THE FUTURE
OF CLINICAL PSYCHOLOGY – 2023**

Materials XVII All-Russian Scientific and Practical
Conference with International Participation
(Perm, PSU, June 8, 2023)

Issue 17

Пермь 2023

УДК 159.9:616.89(082)

ББК 88.4я43

Б903

Будущее клинической психологии – 2023 = The Future of Clinical Psychology – 2023 [Электронный ресурс] : материалы XVII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (г. Пермь, ПГНИУ, 8 июня 2023 г.) / отв. ред. Ф. В. Дериш ; Пермский государственный национальный исследовательский университет. – Электронные данные. – Пермь, 2023 – Вып. 17. – 0,85 Мб; 50 с. – Режим доступа: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/sborniki/budushee-klinicheskoy-psihologii-2023.pdf>. – Заглавие с экрана.

ISBN 978-5-7944-4053-9 (вып. 17)

ISBN 978-5-7944-1593-3

В сборнике представлены результаты последних исследований в области клинической психологии и смежных с ней дисциплин. Статьи освещают актуальные проблемы современной клинической психологии. Особое внимание уделяется прикладным аспектам работы клинического психолога. Адресован психологам, клиническим психологам и специалистам, работающим в смежных областях.

The results of current research work in a field of clinical psychology are presented. Articles tell us about actual problems of clinical psychology. The special attention to the applied aspects of clinical psychologist's work is spared.

УДК 159.9:616.89(082)

ББК 88.4я43

*Издается по решению кафедры общей и клинической психологии
Пермского государственного национального исследовательского университета*

Рецензенты: зав. кафедрой теоретической и прикладной психологии Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, канд. психол. наук, доцент **А. Ю. Калугин**;

доцент кафедры «Социология и политология» Пермского национального исследовательского политехнического университета, канд. психол. наук **О. В. Юрвева**

ISBN 978-5-7944-4053-9 (вып. 17)

ISBN 978-5-7944-1593-3

© ПГНИУ, 2023

**СВЯЗЬ ФАКТОРОВ «БОЛЬШОЙ ПЯТЕРКИ»
И ПОКАЗАТЕЛЕЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ
У ПАЦИЕНТОВ С ДИАГНОЗАМИ РАЗЛИЧНОЙ НОЗОЛОГИИ**

Козлов Михаил Юрьевич

Медицинский психолог

Отделение медико-психологической помощи

Государственное бюджетное учреждение «Психиатрическая
клиническая больница № 4 им. П.Б. Ганнушкина Департамента
здравоохранения города Москвы»

Россия, г. Москва, ул. Потешная, 3, 107076

42Oi33@mail.ru

Иваницкая Елизавета Денисовна

Медицинский психолог

Отделение медико-психологической помощи

Государственное бюджетное учреждение «Психиатрическая
клиническая больница № 4 им. П.Б. Ганнушкина Департамента
здравоохранения города Москвы»

Россия, г. Москва, ул. Потешная, 3, 107076

ivi.lizzie@gmail.com

Аннотация. В статье представлены данные исследования связи факторов «большой пятерки» и психологического благополучия на выборке пациентов с пограничным расстройством личности и депрессией. В исследовании показан значительный вклад фактора «экстраверсии» по все параметры психологического благополучия, что является новой находкой, поскольку ранее предполагалось что «нейротизм» (обратная сторона «эмоциональной стабильности») является главным предиктором развития психических расстройств, ожидаемо было увидеть, что именно фактор «эмоциональной стабильности» более всего влияет на психологическое благополучие. Получены данные о различном значении факторов «эмоциональной стабильности» и «от-

крытости опыту» в обеих выборках и небольшом, относительно других факторов, влиянии «добросовестности» и «дружелюбия» на психологическое благополучие, что может быть связано с предрасполагающим к депрессии влиянием отдельных фасетов входящих в эти констелляции (эмпатия, альтруизм, конформность).

Ключевые слова: пограничное расстройство личности, депрессивный эпизод, «большая пятерка», психологическое благополучие, психокоррекция.

RELATIONSHIP BETWEEN THE “BIG FIVE” FACTORS AND INDICATORS OF PSYCHOLOGICAL WELL-BEING IN PATIENTS WITH VARIOUS MENTAL DISORDERS

Kozlov Mikhail Yurievich

Clinical psychologist

Department of medical and psychological assistance

State Budgetary Institution “Psychiatric Clinical Hospital No 4

n.a. P.B. Gannushkin of the Department of Health of the City of Moscow”

107076, Russia, Moscow, Poteshnaya st., 3,

Ivanitskaya Elizaveta Denisovna

Clinical psychologist

Department of medical and psychological assistance

State Budgetary Institution “Psychiatric Clinical Hospital No 4

n.a. P.B. Gannushkin of the Department of Health of the City of Moscow”

107076, Russia, Moscow, Poteshnaya st., 3

Abstract. The article presents data from a study of the relationship between the Big Five factors and psychological well-being in a sample of patients with borderline personality disorder and depression. The study shows a significant contribution of the “extraversion” factor to all parameters of psychological well-being, which is a new finding, since it was previously assumed that “neuroticism” (the reverse side of “emotional stability”) is the main predictor of the development of mental disorders, it was expected to see that it is the factor of “emotional stability” that most influences psychological well-being. Data were obtained on the different values of the factors of “emotional stability” and “openness to experience” in both samples and the small, relative to other factors, influence of “conscientiousness” and

“friendliness” on psychological well-being, which may be due to the predisposing to depression influence of individual facets included in these constellations (empathy, altruism, conformity).

Keywords: borderline personality disorder, depressive episode, “big five”, psychological well-being, psychocorrection.

Изучение факторов «большой пятерки» (экстраверсии, добросовестности, дружелюбия, эмоциональной стабильности, открытости опыту) у индивидов, страдающих психическими расстройствами и их связи с иными психологическими конструктами – имеет длительную историю. Наибольший интерес, в контексте изучения личностных черт представляют заболевания, в развитии которых существенный вес имеют факторы психосоциального характера. К таковым, традиционно, принято относить аффективные и личностные расстройства. Если личностные расстройства непосредственно связаны с патологическим сочетанием и заострением личностных радикалов, то в развитии аффективной патологии, их роль скорее определяется как предрасполагающая. Несмотря на достаточную дискриминаторную валидность теста «большой пятерки», он редко используется как диагностический инструмент, хотя и обладает таким потенциалом, по данным некоторых исследований [1]. Главную роль в диагностике играет заострение фактора «нейротизма» (обратной стороны «эмоциональной стабильности») эффект которого хорошо изучен как в контексте депрессивного расстройства [2] так и пограничного расстройства личности (ПРЛ) [3], которые и были выбраны нами для изучения. В последние годы исследования связи большой пятерки и рассматриваемых нами расстройств вышли на новый уровень, активно привлекаются методы молекулярной биологии и генетики, так было показано, что определенные факторы большой пятерки и пограничных личностных черт имеют общую генетическую архитектуру [4], и что самое важное, показатели психологического благополучия, нейротизма и депрессии имеют общие генетические локусы [5]. На последнем исследовании остановимся чуть подробнее, в ходе большого по масштабу исследования проводившегося по всему миру и опубликованному в журнале Nature Genetics, с использованием различных генетических баз данных и мета-анализов литературных источников, с общим количеством испытуемых > 500.000 была установлена связь между субъективным психологическим благополучием, нейротизмом и депрессией, для каждого из которого были найдены

соответствующие генетические локусы и показано их фенотипическое перекрытие. В своей работе, мы обращались к тем же конструктам, что и использованные в данном исследовании, но помимо депрессии, нам представилось любопытным изучить выявленные параметры и на группе пациентов с ПРЛ, поскольку ранее уже не раз отмечалась высокая коморбидность и схожесть психологических профилей [6].

В исследовании приняли участие 63 испытуемых, 34 с диагнозом депрессивного расстройства (F 32.0, F 32.1) и 29 с диагнозом пограничного расстройства личности (F.60.3). В выборку вошли 46 испытуемых женского и 18 мужского пола, средний возраст 24 года. Основной контингент представляли пациенты клиник пограничной и аффективной патологии ПКБ №4 им П.Б.Ганнушкина. Целью исследования являлось изучить, как влияют факторы модели «большой пятерки» на параметры психологического благополучия в двух нозологически различных группах.

В результате корреляционного и регрессионного анализов, была показана выраженная связь факторов «экстраверсии» (ориентации на внешнюю действительность, общительность, живой эмоциональный отклик на события) и «открытости опыту» (любопытности, предпочтении разнообразия, креативности, открытости к идеям, чувствам и ценностям, склонности искать, обнаруживать, ценить, понимать и использовать новую для себя информацию) со всеми параметрами психологического благополучия. Самые слабые корреляции показал фактор «дружелюбия», незначительно связанный с некоторыми из перечисленных параметров. Остальные факторы «добросовестность и «эмоциональная стабильность», чаще всего коррелируют с такими параметрами как: «компетентность» и «жизненные цели», реже с параметрами «автономности», «самопринятия», «личностного роста» и почти не коррелируют с «позитивным отношением к другим». Исходя из полученных данных, можно сделать следующие выводы:

- Фактор «экстраверсии» положительно коррелирует со всеми параметрами психологического благополучия у испытуемых в обеих выборках.

- Фактор «дружелюбия» показал самые слабые корреляции в обеих выборках.

- Факторы «добросовестности» и «эмоциональной стабильности» связаны с «компетентностью» и «жизненными целями».

•Факторы «добросовестности» и «эмоциональной стабильности» не связаны с «позитивным отношением к другим» в обеих выборках.

В нашем исследовании показана выраженная связь экстраверсии и открытости опыту со всеми показателями психологического благополучия. Можно сделать предположение, что в обеих выборках психокоррекционные процессы должны идти по пути большей ориентации на внешнюю действительность, например с помощью практик осознанности и поощрения социальных взаимодействий, креативности, рассмотрения фактов под разными углами зрения, преодоления «когнитивных искажений», что находит свое воплощение в современных направлениях индивидуальной и группой когнитивной терапии. В обеих группах констелляции черт объединенных фактором «добросовестности» и «дружелюбия» менее выражено коррелируют с параметрами психологического благополучия. Под добросовестностью подразумевают самодисциплину, ответственность, целеустремленность, склонность скорее к спланированному, нежели спонтанному поведению, черты зависимого типа личности. Фактор дружелюбия указывает на альтруизм, эмпатичность, доверчивость, прямолинейность. Представляется, что оба фактора, отдельными фасетами никак не пересекаются, а возможно и противоречат параметрам психологического благополучия. В современных исследованиях, внимание чаще уделяется нейротизму, нежели интроверсии, однако представляется, что на уровень психологического благополучия она оказывает не меньшее влияние. В дальнейшем представляется интересным изучить связь факторов и отдельных фасетов «добросовестности» и «дружелюбия» с пограничными и гипотимическими аффективно-личностными особенностями, поскольку некоторые из параметров имеют очевидные пересечения.

Библиографический список

1. Allen, Timothy A.; Carey, Bridget E.; McBride, Carolina; Bagby, R. Michael; DeYoung, Colin G.; Quilty, Lena C. (2017). Big Five Aspects of Personality Interact to Predict De-pression. *Journal of Personality*.
2. Farmer, A., Redman, K., Harris, T., Mahmood, A., Sadler, S., Pickering, A., & McGuffin, P. (2002). Neuroticism, extraversion, life events and depression: The Cardiff Depression Study. *British Journal of Psychiatry*, 181(2), 118–122. doi:10.1192/bjp.181.2.118

3. Baryshnikov, Ilya; Joffe, Grigori; Koivisto, Maaria; Melartin, Tarja; Aaltonen, Kari; Suominen, Kirsi; Rosenström, Tom; Näätänen, Petri; Karpov, Boris; Heikkinen, Martti; Isometsä, Erkki (2017). Relationships between self-reported childhood traumatic experiences, attachment style, neuroticism and features of borderline personality disorders in patients with mood disorders. *Journal of Affective Disorders*, 2100, 82–89.

4. Streit, F., Witt, S.H., Awasthi, S. et al. Borderline personality disorder and the big five: molecular genetic analyses indicate shared genetic architecture with neuroticism and openness. *Transl Psychiatry* 12, 153 (2022).

5. Okbay, Aysu; Baselmans, et al (2016). Genetic variants associated with subjective well-being, depressive symptoms, and neuroticism identified through genome-wide analyses. *Nature Genetics*.

6. Beatson, Josephine A; Rao, Sathya (2013). Depression and borderline personality disorder. *The Medical Journal of Australia*, 199(6), 24.

РАЦИОНАЛЬНОСТЬ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ СТУДЕНТАМИ С РАЗЛИЧНЫМ УРОВНЕМ ТРЕВОЖНОСТИ

Цюхай Екатерина Ильинична

Старший преподаватель

Кафедра общей и медицинской психологии

Белорусский государственный университет

220030, Беларусь, г. Минск, просп. Независимости, 4

catic@yandex.ru

Лепарская Анна Евгеньевна

Студентка

Факультет философии и социальных наук

Белорусский государственный университет

220030, Беларусь, г. Минск, просп. Независимости, 4

vidlepra@gmail.com

Аннотация. Представлен результат исследования взаимосвязи тревожности и стиля принятия решений студентами. Выбор определенной стратегии при принятии решения связан с выраженностью различных личностных черт, к их числу относится и тревожность. Для принятия рациональных решений необходимо поддержание оптимального уровня тревожности, определение которого имеет важное прикладное значение. Приводятся данные об особенностях использования стилей принятия решений студентами с различной выраженностью личностной тревожности с учетом их склонности к рациональному и интуитивному стилю мышления.

Ключевые слова: тревожность, стиль принятия решения, бдительность, избегание, прокрастинация, сверхбдительность, интуиция, рациональность.

RATIONALITY OF DECISION-MAKING BY STUDENTS WITH DIFFERENT LEVELS OF ANXIETY

Tsukhai Katsiaryna Ilyinichna

Senior Lecturer

Department of General and Medical Psychology
Belarusian State University
220030, Belarus, Minsk, Nezavisimosti Ave., 4

Leparskaya Hanna Yevgen'yevna

Student

Faculty of Philosophy and Social Sciences
Belarusian State University
220030, Minsk, Belarus, Nezavisimosti Ave., 4

Abstract. The result of the study of the relationship between anxiety and the style of decision-making by students is presented. The choice of a certain strategy when making a decision is associated with the severity of various personality traits, including anxiety. In order to make rational decisions, it is necessary to maintain an optimal level of anxiety, the determination of which is of great practical importance. The data on the specifics of the use of decision-making styles by students with varying degrees of personal anxiety, taking into account their tendency to rational and intuitive style of thinking, are given.

Keywords: anxiety, decision-making style, vigilance, avoidance, procrastination, over-vigilance, intuition, rationality.

Тревога – эмоциональное переживание, сопровождающееся ощущением напряжения и физиологическими изменениями (учащенное дыхание и сердцебиение, неприятные ощущения в брюшной полости и др.). Частое и интенсивное испытание подобных состояний, влечет переход тревожности в черту личности, впоследствии отражающуюся на поведении.

Тревожность как черта личности характеризуется относительно устойчивой склонностью человека воспринимать угрозу своему «Я» в различных ситуациях, реагируя на них усилением тревоги [1]. Уровень выраженности черты определяет особенности функционирования тревоги [5].

Важная функция тревоги – мобилизация организма на поиск информации, способствующей разрешению проблемной ситуации. Еще одной функцией является оценка ситуации для активации защитных механизмов и дальнейшей адаптации [1]. Переживание тревоги ведет к снижению продуктивности действий, т.к. высокое напряжение тормозит либо трансформирует психическую деятельность.

От оценки собственных возможностей совладания с ситуацией зависит характер реакций на опасность, направляющих поведение человека [1]:

- бегство (уход от столкновения с угрозой);
- агрессия (уничтожение источника опасности);
- ступор (полное прекращение активности).

Сказанное справедливо и на стадии принятия решения, рациональность которого базируется на логическом анализе ситуации и оценке собственных возможностей [3]. Основания для переживания тревоги отсутствуют при наличии ресурсов преодоления затруднений; для принятия рационального решения достаточно бдительности (на основе результатов поиска и внимательной оценки информации). Когда ситуация воспринимается как угрожающая, возникает переживание тревоги; принятие решения сопровождается либо активными копингами (сверхбдительность, прокрастинация), либо пассивным (избеганием). Три последних не являются рациональными, т.к. внимание при их использовании фиксируется на поиске угрозы, а объективное видение контекста ситуации утрачивается, что сказывается на характере деятельности.

В исследовании приняли участие 100 студентов гуманитарных специальностей ВУЗов в возрасте от 17 до 23 лет (средний возраст – 18,9 лет). Участие приняли 76 девушек и 24 юноши.

Сбор данных осуществлялся с помощью: 1) Интегративного теста тревожности (авторы: А.П. Бизюк, Л.И. Вассерман, Б.В. Иовлев) [2], 2) Мельбурнского опросника принятия решений (авторы: Л. Манн и др.; адаптация Т.В. Корниловой, С.А. Корнилова) [4] и 3) опросника «Опытный – Рациональный» С. Эпстайна (адаптация Т.В. Корниловой, С.А. Корнилова) [3].

Исследование заключалось в проверке предположения, что взаимосвязь стиля принятия решений и уровня тревожности имеет свои особенности у студентов с различным доминирующим стилем мышления (рациональным или интуитивным). Так как склонность доверять инту-

иции способствует ускорению процесса принятия решения, но может модифицировать критерии отбора информации, что отражается на рациональности решения [6].

По результатам использования опросника «Опытный – Рациональный» выборка была разделена на группы: с доминированием рационального стиля мышления – «Рациональные» (9 человек), интуитивного стиля мышления – «Интуитивные» (18 человек), со смешанным стилем мышления – «Сбалансированные» (73 человека). В каждой группе анализировались взаимосвязи (метод ранговой корреляции Спирмена) тревожности и ее компонентов со стилем принятия решений.

«Интуитивные». Обнаруженные взаимосвязи между фобическим компонентом тревожности и нерациональными стилями принятия решений: избегание ($\rho=0,488$ при $p<0,05$) и сверхбдительность ($\rho=0,514$ при $p<0,05$), проинтерпретированы следующим образом. С повышением тревожности студенты с интуитивным мышлением остро ощущают неуверенность в себе и необъяснимую угрозу из-за неспособности сформулировать источник тревоги. Они склонны использовать избегание и сверхбдительность при принятии решения, чтобы дистанцироваться от пугающей ситуации вместо использования логики и анализа. Доверие интуиции на фоне высокой тревожности приводит их к нерациональным решениям.

«Рациональные». Эмоциональный дискомфорт личностной тревожности связан с избеганием ($\rho=0,695$ при $p<0,05$), прокрастинацией ($\rho=0,909$ при $p<0,001$) и сверхбдительностью ($\rho=0,701$ при $p<0,05$). Эмоциональное напряжение побуждает высокотревожных студентов к нормализации своего эмоционального состояния, избегая затруднительных ситуаций, а не разрешая их; длительное обдумывание и анализ информации отодвигают момент действия. Выявленная связь между тревожной оценкой перспективы и сверхбдительностью ($\rho=0,824$ при $p<0,01$) свидетельствует, что высокотревожные студенты склонны к скрупулезному сбору информации, как способу субъективного снижения тревоги. Связь фобического компонента личностной тревожности с избеганием ($\rho=0,698$ при $p<0,05$) свидетельствует об уклонении от встречи с потенциально угрожающими ситуациями.

«Сбалансированные». При повышении уровня тревожности студенты со смешанным стилем мышления более склонны к активному использованию нерациональных стилей принятия решения, о чем свидетельствует ряд прямых взаимосвязей между личностной тревожно-

стью (и ее компонентами) и избеганием ($\rho=0,311$ при $p<0,01$), прокрастинацией ($\rho=0,372$ при $p<0,01$) и сверхбдительностью ($\rho=0,486$ при $p<0,01$). Это обусловлено активным поиском студентами способов справиться с источником опасности и снижением тревоги посредством условного совладания с угрозой.

Таким образом, во всех группах с повышением уровня личностной тревожности (ее компонентов) наблюдается усиление использования нерациональных стилей принятия решений; их выбор связан со стилем мышления и с субъективной оценкой потенциально опасной ситуации. Полагаем, при высокой значимости ситуации с большей вероятностью будет использоваться сверхбдительность; при умеренной значимости, но с ощущением недостатка средств по преодолению затруднений, будет уместна тенденция к прокрастинации; при невысокой значимости ситуации и/или невозможности использовать указанные копинги, принятие решения избегается. Хотя данное предположение требует дальнейшей проверки.

Библиографический список

1. Астапов В.М. Функциональный подход к изучению состояния тревоги / В.М. Астапов // Тревога и тревожность. Хрестоматия / сост. и общ. ред. В.М. Астапова. М.: ПЕР СЭ, 2008. С. 151–160.
2. Бизюк А.П. Применение интегративного теста тревожности (ИТТ) / А.П. Бизюк, Л.И. Вассерман, Б.В. Иовлев // Методические рекомендации. СПб.: Изд. Психоневрологического института им. В.М. Бехтерева, 2005. 23 с.
3. Корнилова Т.В. Интуиция, интеллект и личностные свойства (результаты апробации шкал опросника С. Эпстайна) / Т.В. Корнилова, С.А. Корнилов // Психологические исследования. 2013. Т. 6, № 28. С. 5. URL: <http://psystudy.ru>.
4. Корнилова Т.В. Мельбурнский опросник принятия решений: русскоязычная адаптация / Т.В. Корнилова. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2020. 23 с.
5. Мэй Р. Смысл тревоги / Р. Мэй. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2016. 416 с.
6. Устинова Н.В. Особенности решения задач на оценку вероятности сложных событий студентами с доминированием интуитивного когнитивного стиля / Н.В. Устинова // Филология и психология. – 2018. № 2. С. 76–84.

ОСОБЕННОСТИ САМООТНОШЕНИЯ И МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ ЖЕНЩИН С ВЫСОКИМ УРОВНЕМ ФИЗИЧЕСКОГО ПЕРФЕКЦИОНИЗМА

Продовикова Анастасия Геннадьевна

Кандидат психологических наук, доцент
Кафедра общей и клинической психологии
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15
arilama@yandex.ru

Семенова Ангелина Дмитриевна

Студентка 5 курса специальности «Клиническая психология»
Философско-социологический факультет
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15
angelinasemenova1310@gmail.com

Аннотация. Исследовались особенности самооотношения и межличностных отношений девушек с высокими показателями физического перфекционизма. Выборку составили 80 женщин, из них 40 девушек с высоким уровнем физического перфекционизма и 40 девушек с низким уровнем. Выявлено, что девушки с высокими показателями физического перфекционизма характеризуются достоверно более низкими показателями «самопринятия», «самопривязанности» и «саморуководства» и достоверно более высокими показателями «внутренней конфликтности» и «самообвинения», чем девушки с низким уровнем физического перфекционизма. «Зависимый» и «подчиняемый» типы межличностных отношений значимо чаще представлены в группе женщин с высоким уровнем физического перфекционизма. Обнаружено, что «неудовлетворенность телом» образует прямую корреляцию с «внутренней конфликтностью» и «самообвинением», и обратную кор-

реляцию с «отраженным самоотношением», «самопривязанностью», «самоуверенностью», «самоценностью» в группе девушек с высоким уровнем физического перфекционизма. Выявлено также, что в этой группе испытуемых «зависимый» тип отношений имеет положительную взаимосвязь с физическим перфекционизмом, «подозрительный» и «подчиняемый» типы образуют положительную взаимосвязь с неудовлетворённостью телом, а «авторитарный» тип – отрицательную взаимосвязь с ним.

Ключевые слова: самоотношение, межличностные отношения, физический перфекционизм, неудовлетворенность телом.

FEATURES OF SELF-ATTITUDE AND INTERPERSONAL RELATIONSHIPS OF WOMEN WITH A HIGH LEVEL OF PHYSICAL PERFECTIONISM

Prodovikova Anastasia Gennadievna

PhD in Psychology, Associate Professor
Department of General and Clinical Psychology
Perm State University
614068, Perm, Bukireva st., 15

Semenova Angelina Dmitrievna

5th year student of “Clinical psychology”
Faculty of Philosophy and Sociology
Perm State University
614068, Perm, Bukireva st., 15

Abstract. The features of self-attitude and interpersonal relationships of women with high rates of physical perfectionism were studied. The sample consisted of 80 women, including 40 girls with a high level of physical perfectionism and 40 girls with a low level. It was revealed that girls with high rates of physical perfectionism are characterized by significantly lower rates of “self-acceptance”, “self-attachment” and “self-guidance” and significantly higher rates of “conflict” and “self-blame” than girls with a low level of physical perfectionism. “Dependent” and “subordinate” types of interpersonal relationships are significantly more often represented in the group of women with a high level of physical perfectionism. It was found that “dissatisfaction with the body” forms a positive correlation with “internal con-

flict” and “self-blame”, and negative correlation with “reflected self-attitude”, “self-attachment”, “self-confidence”, “self-worth” in a group of girls with a high level of physical perfectionism. It was also revealed that the “dependent” type of relationship has a positive correlation with physical perfectionism, the “suspicious” and “submissive” types form a positive correlation with dissatisfaction with the body, and the “authoritarian” type has a negative correlation with it.

Keywords: self-attitude, interpersonal relationships, physical perfectionism, body dissatisfaction

Средства массовой информации, Интернет и социальные сети задают высокие стандарты внешнего вида, которые выступают эталоном для оценки собственной наружной привлекательности [1]. Несоответствие этому эталону приводит к неудовлетворенности своей внешностью, к стремлению к изменению своего внешнего облика, к развитию особой формы перфекционизма – физическому перфекционизму. А.Б. Холмогорова и А.А. Дадеко под физическим перфекционизмом понимают систему личностных представлений и установок, связанных со своим внешним видом: повышенную озабоченность своим внешним видом и стремление к соответствию высоким стандартам тела, к достижению наилучших результатов в борьбе за идеальную фигуру, а также болезненное отношение к любым критическим замечаниям по поводу внешнего вида [2].

Представления и установки, касающиеся внешнего вида, тесно связаны с отношением к телу. Тема телесности, восприятия собственного тела активно исследуется в психологии [3, 4, 5, 6]. Отношение к телу рассматривается Т.С. Леви как неотъемлемая часть самоотношения [7], образ тела включается в структуру самосознания О.А. Скугаревским и С.В. Сивухой [4]. С одной стороны, неудовлетворенность собственным телом приводит к более негативному самоотношению, с другой стороны, низкая самооценка и высокая критичность в отношении себя также детерминируют повышенную озабоченность внешним видом [3]. Вместе с тем отмечается, что самоотношение личности взаимосвязано с особенностями межличностных отношений [8], личность проецирует на партнера по общению свое отношение к себе и к своему телу [4]. Поэтому в нашем исследовании мы хотели бы выяснить какие особенности самоотношения и межличностных отношений характерны для девушек с высоким уровнем физического перфекционизма?

Цель исследования: выявить особенности самоотношения и межличностных отношений у женщин с высокими показателями физического перфекционизма.

О.А. Скугаревский и С.В. Сивуха в структуре образа тела выделяют перцептивный (восприятие формы и размеров тела) и оценочный (степень удовлетворенности и неудовлетворенности телом) компоненты. Оценочный компонент с точки зрения авторов интегрирует глобальную оценку тела, эмоции и чувства и убеждения по поводу внешности, поведение, мотивированное стремлением внести изменение [4]. А.В. Светикова с соавторами [5] в исследовании, посвященном связи образа тела и самоотношения, установила существование значимых корреляций между уровнем самоотношения и удовлетворенностью образом тела. Так, с низкими оценками образа тела связаны высокий уровень конфликтности и самообвинения, в то время как положительные оценки тела коррелируют с проявлением позитивного самоотношения.

А.Г. Черкашина отмечает, что в межличностных отношениях индивида находит отражение его образ тела как компонент Я-концепции. По мнению автора одним из критериев оценки себя в межличностных отношениях является образ тела, представленный в континууме «удовлетворенность-неудовлетворённость». Именно в отношениях с другими индивид осознает соответствие или несоответствие тела конституциональному «эталону» [9]. В исследовании А.Г. Черкашиной на выборке студенток показано, что поведение, основанное на уверенности или неуверенности во внешней привлекательности мешает в построении межличностных отношений, в то время как индивиды, для которых внешность субъективно не значима, более успешны в установлении контактов со сверстниками [9].

Ю.Л. Савчикова [10] проводила исследования психологических особенностей женщин, имеющих избыточный вес и проблемное отношение к своему телу, а также женщин, имеющих нормальный вес, но обеспокоенных излишними килограммами. Показано, что у женщин, испытывающих проблемы в отношении веса (имеющих как повышенный индекс массы тела, так и с нормальным индексом массы тела, но обеспокоенных лишними килограммами), отмечается склонность к пессимистичности, неуверенности в себе, ожидание негативного отношения к ним окружающих. У женщин с избыточным весом и обеспокоенных им обнаружены агрессивные тенденции области межлич-

ностных отношений: повышенная враждебность, выражающаяся в злопамятности, обидчивости, подозрительности, недоверии и осторожном отношении к людям [10].

Таким образом, обзор литературы показывает, что для лиц с низкими оценками образа тела характерен высокий уровень конфликтности и самообвинения. Неуверенность во внешней привлекательности мешает в построении межличностных отношений. Женщины, неудовлетворенные собственным весом, ожидают негативного отношения к себе от окружающих и могут демонстрировать агрессивные тенденции.

Гипотезы исследования:

1. У женщин с высоким уровнем физического перфекционизма показатели самооотношения по шкалам «самопринятие», «отраженное самооотношение», «самоуважение», «самоценность» достоверно ниже, а по шкалам «самообвинение», «внутренняя конфликтность» выше, чем у женщин с низким уровнем физического перфекционизма [5];

2. У женщин с высоким уровнем физического перфекционизма преобладающими типами межличностных отношений являются «агрессивный» и «подозрительный» типы [10];

3. Физический перфекционизм образует отрицательные взаимосвязи с «самоценностью», «самоуверенностью» и «самопринятием», а также имеет положительные взаимосвязи с показателями «самообвинения» и «внутренней конфликтности» [5];

4. Физический перфекционизм имеет положительные взаимосвязи с «агрессивным» и «подозрительным» типами межличностных отношений [10].

Участники исследования. Всего в исследовании приняло участие 80 человек. Деление на группы осуществлялось по результатам диагностики по Шкале физического перфекционизма (А.Б. Холмогорова, А.А. Дадеко, 2006). По данной шкале «были установлены следующие нормы: 0–16 – низкий уровень выраженности физического перфекционизма, 17–24 – средний уровень выраженности физического перфекционизма, 25 и выше – высокий уровень выраженности физического перфекционизма» [цит. по 11, с.102]. Так, в первую группу вошли 40 женщин 18 – 24 лет ($M = 21,4$, $SD = 3,1$) с высокими показателями физического перфекционизма ($M = 29,4$, $SD = 4,2$). Во вторую группу вошли 40 женщин в возрасте 18 – 24 лет ($M = 21,5$, $SD = 3,2$) с низкими показателями физического перфекционизма ($M = 13,1$, $SD = 3,0$).

Исследование проводилось дистанционно на платформе Online Test Pad.

В исследовании использовались следующие методики:

1. Шкала физического перфекционизма (А.Б. Холмогорова, А.А. Дадеко, 2006) направлена на диагностику выраженности физического перфекционизма;

2. Опросник образа собственного тела (О.А. Скугаревский, С.В. Сивуха, 2006) диагностирует отношение к телу в континууме «удовлетворенность-неудовлетворенность»;

3. Методика исследования самоотношения (МИС) (С.Р. Пантеев, 1989), включающая в себя шкалы: закрытость, самоуверенность, саморуководство, отраженное самоотношение, самоценность, самопривязанность, внутренняя конфликтность, самообвинение;

4. Тест межличностных отношений (Т. Лири, адаптация Л.Н. Собчик, 1990) позволяет выявить 8 типов основных межличностных отношений: авторитарный, эгоистичный, агрессивный, подозрительный, подчиняемый, зависимый, дружелюбный, альтруистический.

Статистический анализ. Использовались методы описательной статистики, критерий Шапиро-Уилка, сравнительный анализ Т-критерий Стьюдента и U-критерий Манна-Уитни (в зависимости от характера распределения данных), корреляционный анализ по Спирмену.

Полученные результаты и их обсуждение. Значимые различия групп в сфере самоотношения обнаружены по шкалам «самопринятие» ($U=469,00$; $p<0,01$), «самопривязанность» ($U= 514,00$; $p<0,01$), «конфликтность» ($U= 533,00$; $p<0,05$), «самообвинение» ($U= 518,50$; $p<0,01$) и «саморуководство» ($t=-2,37$; $p<0,05$). Так, показатели самопринятия, самопривязанности и саморуководства достоверно выше в группе женщин с низкими показателями физического перфекционизма. Показатели «конфликтность» и «самообвинение» значимо выше в группе женщин с высокими показателями перфекционизма. Для девушек с выраженным физическим перфекционизмом в большей степени характерна неудовлетворенность собой, сомнения в своей способности что-то изменить, склонность к самокопанию и самообвинению, в то время как девушки с низким уровнем физического перфекционизма характеризуются более дружественным отношением к себе, принятием недостатков, отсутствием стремления к изменениям. Кроме того, девушки с низким уровнем физического перфекционизма в большей степени, чем девушки с высоким уровнем физического перфекционизма способны

ощущать свое «Я» как внутренний стержень и считать, что жизнь находится в их собственных руках.

Не обнаружено значимых различий между группами с высоким и низким уровнем перфекционизма по таким компонентам самоотношения как: «открытость», «самоуверенность», «отраженное самоотношение» и «самоценность». Анализ средних значений показал, что девушки обеих групп характеризуются избирательным, ситуативным отношением к себе как уверенному, самостоятельному и волевому человеку, ожиданием уважения и принятия со стороны других при демонстрации положительных качеств и отвержении при демонстрации отрицательных качеств собственной личности, склонностью к дифференцированному отношению к своему «Я» как ценности: одни стороны своей личности признаются ценными и уникальными, а другие – отвергаются.

Группы девушек с высоким и низким физическим перфекционизмом достоверно отличаются по неудовлетворенности телом ($U=219,00$; $p \leq 0,00$). Так, для женщин с выраженным физическим перфекционизмом в большей степени характерно недовольство телом, чем для девушек, не стремящихся к телесному совершенству. Данный факт согласуется с определением физического перфекционизма А.Б. Холмгородовой, А.А. Дадеко [2].

Показатели межличностных отношений имеют достоверные различия в группах с высоким и низким уровнями физического перфекционизма. Так, «зависимый» тип поведения более характерен для группы женщин с высоким уровнем физического перфекционизма ($U=533,00$; $p < 0,05$). Они могут испытывать неуверенность и тревожность в межличностных отношениях, ощущать потребность в получении оценки от окружающих для подтверждения их самооценки. «Подчиняемый» тип отношений тоже значимо более выражен в группе девушек с высоким уровнем физического перфекционизма ($t=2,06$; $p < 0,05$). Им в большей степени свойственен поиск опоры в ком-то более сильном, тенденция к самоуничтожению и уступкам в межличностных отношениях.

Не обнаружено различий по таким типам межличностных отношений как «подозрительный», «авторитарный», «эгоистичный», «агрессивный», «дружелюбный», «альтруистичный». Интерпретация средних значений по этим шкалам в обеих группах позволяет говорить о том, что девушки характеризуются наличием эгоистичных черт, упорством и настойчивостью. Кроме того, им свойственна критичность по отно-

шению к окружающим. Девушки обеих групп ориентированы на социальное одобрение, стремление «угодить всем и сразу», характеризуются гиперответственностью.

По результатам корреляционного анализа в группе женщин с высоким уровнем перфекционизма были обнаружены значимые связи неудовлетворенности телом и компонентами самоотношения. Неудовлетворенность телом образует значимые положительные взаимосвязи с «самообвинением» ($r=0,70$; $p\leq 0,001$) и «внутренней конфликтностью» ($r=0,64$; $p\leq 0,001$) и отрицательные связи с «отраженным самоотношением» ($r=-0,71$; $p\leq 0,01$), «самопривязанностью» ($r=-0,57$; $p\leq 0,001$), «самоуверенностью» ($r=-0,54$; $p\leq 0,01$), «самоценностью» ($r=-0,48$; $p\leq 0,01$), «саморуководством» ($r=-0,36$; $p\leq 0,05$) и «самопринятием» ($r=-0,33$; $p\leq 0,05$). Так, чем сильнее неудовлетворенность девушки своим телом, тем ярче проявляются в самоотношении недовольство собой и своими достижениями, неуверенность в способности контролировать себя, свои чувства и переживания. Полученные нами корреляции согласуются с данными А.В. Светиковой с соавторами [5].

Типы межличностных отношений образуют значимые корреляции с физическим перфекционизмом и неудовлетворенностью телом. Так, «зависимый» тип отношений имеет положительную взаимосвязь с физическим перфекционизмом ($r=0,31$; $p\leq 0,05$). «Авторитарный» тип отношений образует отрицательную взаимосвязь с неудовлетворенностью телом ($r=-0,34$; $p\leq 0,05$), а «подозрительный» ($r=0,40$; $p\leq 0,05$) и «подчиняемый» ($r=0,42$; $p\leq 0,05$) типы – положительную взаимосвязь.

По результатам корреляционного анализа в группе женщин с низким уровнем перфекционизма также имеются значимые связи исследуемых показателей, но их меньше. Неудовлетворенность телом образует положительные взаимосвязи с «самообвинением» ($r=0,59$; $p\leq 0,001$) и отрицательные взаимосвязи с «самопривязанностью» ($r=-0,64$; $p\leq 0,01$), «самоценностью» ($r=-0,57$; $p\leq 0,01$), «самопринятием» ($r=-0,47$; $p\leq 0,01$) и «самоуверенностью» ($r=-0,43$; $p\leq 0,05$). Кроме того, неудовлетворенность телом образует положительные взаимосвязи с «подозрительным» ($r=0,38$; $p\leq 0,05$) и «подчиняемым» ($r=0,36$; $p\leq 0,05$) типами межличностных отношений.

Сравнение корреляций в обеих группах позволяет говорить о том, что взаимосвязи, выявленные в группе лиц с низким уровнем физического перфекционизма, присутствуют и в группе лиц с высоким уровнем физического перфекционизма. Вместе с тем, в группе девушек с

высоким физическим перфекционизмом неудовлетворенность телом связана со всеми показателями самоотношения за исключением «открытости», что позволяет говорить о том, что неудовлетворенность телом является важной детерминантой негативного самоотношения. Отметим, что в группе девушек с низким уровнем физического перфекционизма отсутствует связь «зависимого» типа межличностных отношений с физическим перфекционизмом, и не обнаруживается связь «авторитарного» типа отношений с неудовлетворенностью телом. Это говорит о более благополучных межличностных отношениях девушек, удовлетворенных своим телом и не стремящихся к физическому совершенству. Трудности в установлении межличностных отношений у лиц с неудовлетворенностью телом также отмечаются в исследовании Е.В. Дурневой [6].

Выводы:

1. Выявлено, что девушки с высокими показателями физического перфекционизма характеризуются достоверно более высокими показателями по шкалам «конфликтность» и «самообвинение», и более низкими значениями по шкалам «саморуководство», «самопринятие» и «самопривязанность». Гипотеза 1 нашла свое подтверждение.

2. Обнаружено, что в группе лиц с высокими показателями физического перфекционизма достоверно преобладают такие типы межличностных отношений как «зависимый» и «подчиненный». Гипотеза 2 не подтвердилась.

3. Не выявлена взаимосвязь физического перфекционизма с показателями самоотношения, что опровергает гипотезу 3. Вместе с тем, обнаружены отрицательные взаимосвязи между неудовлетворенностью телом (важный, но не единственный компонент физического перфекционизма) и показателями «самоуверенности», «саморуководства», «отраженного самоотношения», «самоценности», «самопринятия» и «самопривязанности». А также найдены положительные взаимосвязи неудовлетворенности телом с «внутренней конфликтностью» и «самообвинением». Некоторые из этих связей есть и в группе девушек с низким уровнем физического перфекционизма.

4. В группе девушек с высоким уровнем физического перфекционизма обнаружена положительная взаимосвязь между физическим перфекционизмом и «зависимым» типом отношений, а также положительная связь между «неудовлетворенностью телом» и «авторитарным», «подозрительным» и «подчиняемым» типами межличностных

отношений. В группе девушек с низким уровнем физического перфекционизма обнаружены положительные взаимосвязи неудовлетворенности телом только с «подозрительным» и «подчиняемым» типами межличностных отношений. Гипотеза 4 нашла частичное подтверждение.

Библиографический список

1. Арина Г.А., Мартынов С.Е. Средства массовой информации как фактор возникновения озабоченности собственной внешностью в юношеском возрасте // Культурно-историческая психология. 2009. Т. 5. № 4. С. 105–114 URL: https://psyjournals.ru/kip/2009/n4/27006_full.shtml (дата обращения: 30.04.2023).

2. Холмогорова А.Б., Дадеко А.А. Физический перфекционизм как фактор расстройств аффективного спектра в современной культуре // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2010. URL: http://www.medpsy.ru/mpj/archiv_global/2010_3_4/nomer/nomer13.php (дата обращения: 13.03.2023).

3. Тарханова П.М., Холмогорова А.Б. Социальные и психологические факторы физического перфекционизма и неудовлетворенности своим телом // Психологическая наука и образование. 2011. Т. 16. № 5. С. 52–60.

4. Скутаревский О.А., Сивуха С.В. Образ собственного тела: разработка инструмента для оценки // Психологический журнал. 2006. № 2. С. 40–48.

5. Светикова А.В., Борисенко З.В., Лукина Е.М. Связь образа тела и самооотношения у современных девушек // Молодой ученый. 2019. № 34 (272). С. 41–45. URL: <https://moluch.ru/archive/272/62091/> (дата обращения: 13.05.23).

6. Дурнева М.Ю. Формирование отношения к телу и пищевого поведения у девушек подросткового и юношеского возраста: автореф. дис. ... канд. психол. н. М., 2014. 30 с.

7. Леви Т.С. Отношение к телу в структуре самооотношения // Психология телесности: теоретические и практические исследования. Пенза: Пензенский государственный педагогический университет им. В.Г. Белинского, 2008. <https://psyjournals.ru/nonserialpublications/psytelesnost/contents/30433> (дата обращения: 09.07.2023).

8. Курышева О.В., Гафурова Т.Р., Курлина К.В. Взаимосвязь самооотношения и межличностных отношений в студенческой среде // Лич-

ность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии. 2016. № 5 (62). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-samootnosheniya-i-mezhlichnostnyh-otnosheniy-v-studencheskoj-srede> (дата обращения: 13.05.2023).

9. Черкашина А. Г. Особенности самоотношения к образу Физического я в зависимости от социометрического статуса // Известия Самарского научного центра РАН. 2011. № 2-3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-samootnosheniya-k-obrazu-fizicheskogo-ya-v-zavisimosti-ot-sotsiometricheskogo-statusa> (дата обращения: 29.04.2023).

10. Савчикова Ю.Л. Психологические особенности женщин с проблемами веса: дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2005. 208 с.

11. Холмогорова А.Б., Рахманина А.А. Трехфакторная шкала физического перфекционизма – новый инструмент диагностики патогенных стандартов внешности в современной культуре // Консультативная психология и психотерапия. 2020. Т. 28, № 4. С. 98–117. DOI: 10.17759/cpp.2020280406

**ВЗАИМОСВЯЗЬ ТИПОВ РЕФЛЕКСИВНОСТИ
И МЕТАКОГНИТИВНЫХ УБЕЖДЕНИЙ
У СТУДЕНТОВ-МЕДИКОВ**

Филипович Вита Иосифовна

Старший преподаватель

Кафедра психологии и педагогики

Гродненский государственный медицинский университет

230009, Беларусь, г. Гродно, ул. Горького, 80

runapple@gmail.com

Спасюк Таиса Ивановна

Старший преподаватель

Кафедра психологии и педагогики

Гродненский государственный медицинский университет

230009, Беларусь, г. Гродно, ул. Горького, 80

taisa_mag@tut.by

Воронко Елена Валентиновна

Кандидат психологических наук, зав. кафедрой

Кафедра психологии и педагогики

Гродненский государственный медицинский университет

230009, Беларусь, г. Гродно, ул. Горького, 80

lenavoronko12@mail.ru

Аннотация. Рефлексия понимается как одно из оснований формирования профессиональных коммуникативных способностей врача. Дисфункциональные метакогнитивные убеждения нарушают межличностное познание и взаимодействие. Рефлексия рассматривается как процессуальный аспект метакогнитивных паттернов. Интроспекция взаимосвязана с направленностью сознания на переживание беспокойства. Квазирефлексия взаимосвязана с пониманием беспокойства как

© Филипович В. И., Спасюк Т. И., Воронко Е. В., 2023

* Авторы выражают благодарность декану медико-психологического факультета ГрГМУ кандидату медицинских наук Бойко Светлане Леонидовне

способа разрешения проблемной ситуации. Системная рефлексия взаимосвязана с внимательностью к мыслительным процессам, которые становятся для субъекта предметом моделирования. Развитие системной рефлексии у студентов-медиков приведет к снижению роли негативных метакогнитивных убеждений в отношениях личности.

Ключевые слова: метакогнитивные убеждения, позитивные убеждения, касающиеся беспокойства, негативные убеждения в неуправляемости и опасности беспокойства, когнитивная несостоятельность, внимательность к собственным мыслительным процессам, рефлексия, интроспекция, квазирефлексия, системная рефлексия; студенты-медики

RELATIONSHIP BETWEEN VARIETIES OF REFLECTIVE PROCESSES AND METACOGNITIVE BELIEFS IN MEDICAL STUDENTS

Philipovich Vita Iosifovna

Senior Lecturer

Department of Psychology and Pedagogy

Grodno State Medical University

230009, Belarus, Grodno, Gorky st., 80

Spasiuk Taisa Ivanovna

Senior Lecturer

Department of Psychology and Pedagogy

Grodno State Medical University

230009, Belarus, Grodno, Gorky st., 80

Voronko Elena Valentsinovna

PhD in Psychology, Head of the Department

Department of Psychology and Pedagogy

Grodno State Medical University

230009, Belarus, Grodno, Gorky st., 80

Abstract. Reflection is understood as one of the foundations for the development of medical communication skills. Dysfunctional metacognitive beliefs disrupt interpersonal understanding and interaction. Reflection is considered as a procedural aspect of metacognitive patterns. Introspection is interconnected with the focus of consciousness towards experiencing anxie-

ty. Quasi-reflection is associated with understanding anxiety as a way to resolve a problem situation. Systemic reflection is associated with attentiveness to one's own thought processes that become the subject for modeling. The development of systemic reflection among medical students will lead to a reduction in the role of negative metacognitive beliefs in personal relationships.

Keywords: metacognitive beliefs, positive beliefs about anxiety, negative beliefs about uncontrollability and danger of anxiety, cognitive insolvency, attentiveness to one's own thought processes, reflection, introspection, quasi-reflection, systemic reflection, medicine students

Профессиональная деятельность врача как антропоцентрическая по своему характеру детерминирована личностными характеристиками профессионала. Рефлексия участвует в формировании гуманистической направленности как системообразующего личностного свойства врача, позволяет постигать личностный строй другого человека [1].

Концепция метасистемной организации психики позволяет соотнести психологию способностей личности и когнитивный метапсихологизм [2]. Личностные рефлексивные способности, рассмотренные в процессуальном аспекте, могут пониматься как метакогнитивные способности. Рефлексивные процессы позволяют создавать и переформулировать установки, убеждения, стереотипы личности. В метакогнитивных процессах функционально объединяются когнитивные и регулятивные механизмы психики [2]. Метакогнитивные убеждения представляют собой устойчивые паттерны мышления, проявляющиеся в структурировании познавательных процессов предшествующего уровня. Метакогнитивные убеждения формируют уникальность представлений об окружающей действительности, проявляются в апперцепции, паттернах принятия решений. Устойчивые метакогнитивные шаблоны могут обладать выраженным дисфункциональным характером, нарушать межличностное познание, затруднять выработку коммуникативных навыков, способствовать развитию поведенческих и аффективных личностных расстройств [4]. Дисфункциональный характер метакогнитивных убеждений проявляется в тенденции структурировать неопределенность как угрозу и фокусироваться на угрозе, не на способах решения проблемы, тревога как активирующий психический механизм оценивает не ситуацию, а убеждение о принципиальной неразрешимости ситуации, выраженность тревоги возрастает.

Цель. Изучение взаимосвязей метакогнитивных убеждений и рефлексивных способностей студентов-медиков позволит соотнести различные типы рефлексии (процессуальный компонент) и дисфункциональные метакогнитивные факторы (структурный компонент), способствовать в итоге формированию личностью рефлексивных способностей.

Методы исследования, выборка. 1. Краткая версия опросника метакогнитивных убеждений: Wells, Cartwright-Hatton (2004), Н.А. Сирота, Д.В. Московченко, В.М. Ялтонский, А.В. Ялтонская (2018), позволяет определить выраженность аспектов метапознания, сгруппированных в 5 шкал – факторов негативных метакогнитивных убеждений [4].

2. Дифференциальный тест рефлексии: Д.А. Леонтьев, Е.Н. Осин (2014) позволяет различать непродуктивные рефлексивные механизмы и продуктивный регулятивный рефлексивный механизм, составляющий основу процессов саморегуляции и моделирования личности [3].

В исследовании приняли участие 65 студентов 3 курса медико-психологического факультета ГрГМУ, из них 75,4% девушки. Преобладание девушек в выборочной совокупности объясняется сходной пропорцией соотношения по полу у студентов-медиков медико-психологического факультета, результаты не могут быть экстраполированы на совокупность студентов-медиков мужского пола. Средний возраст испытуемых 20,1 лет. Метод статистической обработки – корреляционный анализ Спирмена, пакет STATISTICA 7.

Результаты. В дифференциальной модели рефлексии интроспекция соотносима с показателями дезадаптации, тревоги, интолерантности к неопределенности и риску, с руминациями как непродуктивной сосредоточенностью на переживаниях по поводу ситуации, переживание беспокойства по поводу ситуации, не параметры ситуации, становится единственным фокусом сознания [3]. Получена взаимосвязь интроспекции с тремя шкалами метакогнитивных установок. Взаимосвязь с позитивными убеждениями, касающимися беспокойства ($R=0,668$; $p<0,05$) и негативными убеждениями, связанными с неуправляемостью и опасностью беспокойства ($R=0,336$; $p<0,05$) позволяет понимать интроспекцию как механизм удержания сознания на переживании беспокойства безотносительно к разворачивающейся ситуации. Взаимосвязь со шкалой когнитивной несостоятельности ($R=0,474$; $p<0,05$) позволяет понимать интроспекцию как удержание фокуса сознания на негативном переживании принципиальной непригодности когнитивного

инструментария для разрешения ситуации. Интроспекция, таким образом, может пониматься как механизм направленности сознания на состояние беспокойства в ущерб когнитивной работе над ситуацией.

Квазирефлексия представляет собой механизм ухода от когнитивного анализа проблемной ситуации в резонерские образы-фантазии [3]. Квазирефлексия взаимосвязана с позитивными убеждениями, касающимися беспокойства ($R=0,314$; $p<0,05$), является, таким образом, механизмом актуализации тревоги, которая понимается как необходимое и достаточное условие для разрешения проблемной ситуации.

Системная рефлексия предполагает самодистанцирование в контексте взаимодействия с другими и ситуацией [3]. Механизм системной рефлексии позволяет ставить под вопрос метакогнитивный паттерн и одновременно направлять сознание на когнитивное разрешение проблемной ситуации. Взаимосвязь системной рефлексии и внимательности к собственным психическим процессам ($R=0,307$; $p<0,05$) не предполагает обязательного беспокойства, позитивно может рассматриваться как определение субъектом границ собственного мышления как предмета, как инициация доступа к неосознаваемому метакогнитивному паттерну.

Выводы. Обнаруженные положительные взаимосвязи установок тревоги и беспокойства с интенцией сознания на самого субъекта и с интенцией сознания на внешние предметы свидетельствует о наличии у данных незрелых рефлексивных механизмов активирующей и потенцирующей функции в психической адаптации.

Обнаруженная взаимосвязь системных рефлексивных механизмов с внимательностью к собственным мыслительным процессам позволяет понимать данный шаблон стратегической активации мышления как компонент системной способности различать и удерживать в сознании полюс собственных мыслей в его нетождественности полюсу ситуации и другого.

Развитие системной рефлексии у студентов-медиков должно осуществляться путем создания условий для дифференциальной актуализации различных механизмов рефлексии, для осознания связанных с ними ограничивающих убеждений личности.

Библиографический список

1. Вялых В.В., Неволina В.В. Формирование профессиональной коммуникативной компетентности будущих медицинских работников

на этапе обучения в вузе / В.В. Вялых, В.В. Неволина // Дискуссия. 2015. № 6(58). С. 136–141.

2. Карпов А.В. Системная методология как основа разработки проблемы метакогнитивных способностей личности / А.В. Карпов, А.А. Карпов // Системная психология и социология [Электронный ресурс]. 2014. № 3(11). URL: <http://systempsychology.ru/journal/2014-11/>

3. Леонтьев Д. А. Рефлексия «хорошая» и «дурная»: от объяснительной модели к дифференциальной диагностике / Д.А. Леонтьев, Е.Н. Осин // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 11, № 4. С. 110–135.

4. Сирота Н.А. Апробация краткой версии опросника метакогнитивных убеждений на русскоязычной выборке / Н.А. Сирота, Д.В. Московченко, В.М. Ялтонский, А.В. Ялтонская // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2018. Т. 15, № 2. С. 307–325.

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОСВЯЗИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ И АЛЕКСИТИМИИ

Глушкова Валентина Константиновна

Студентка

Философско-социологический факультет
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15
vk.glushkova@gmail.com

Фрейманис Инга Федоровна

Старший преподаватель

Кафедра общей и клинической психологии
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15
inga73-08@mail.ru

Аннотация. В статье представлены результаты теоретического исследования зарубежной и отечественной литературы, посвященной изучению связи эмоционального выгорания и алекситимии. Рассматриваются неклинический синдром эмоционального выгорания и психологическая, ситуативная, переходящая алекситимия. Особое внимание уделяется факторам, влияющим на возникновение и алекситимии и эмоционального выгорания.

Ключевые слова: профессиональное выгорание, эмоциональное выгорание, алекситимия, взаимосвязь эмоционального выгорания и алекситимии, психические состояния.

FEATURES OF THE RELATIONSHIP BETWEEN EMOTIONAL BURNOUT AND ALEXITHYMIA

Glushkova Valentina Konstantinovna

Student

Faculty of Philosophy and Sociology
Perm State University
614068, Perm, Bukireva st., 15

Freimanis Inga Fedorovna

Senior Lecturer

Department of General and Clinical Psychology
Perm State University
614068, Perm, Bukireva st., 15

Abstract. The article presents the results of a theoretical study of foreign and domestic literature devoted to the study of the relationship between emotional burnout and alexithymia. Non-clinical syndrome of emotional burnout and psychological, situational, transient alexithymia are considered. Particular attention is paid to the factors influencing the occurrence of both alexithymia and emotional burnout.

Keywords: professional burnout, emotional burnout, alexithymia, relationship between emotional burnout and alexithymia, mental states.

В обществе наблюдается тревожная тенденция к снижению способности выражать и понимать свои эмоции, все больше людей сталкиваются с проблемами, связанными с эмоциональным выгоранием, что может приводить к серьезным последствиям для психики и здоровья в человека в целом [4;12]. Отсутствие у людей умений дифференцировать свои эмоциональные переживания и навыков саморегуляции может приводить к стрессу и возникновению деструктивных состояний, включая появление эмоционального выгорания и затруднений в выражении эмоций, т.е. алекситимии [1].

В современной психологической науке накоплено достаточно много исследований, связанных с эмоциональным выгоранием. В частности, этим занимались такие ученые-психологи как Фрейденбергер Г., Маслач К., Бойко В.В., Пинес А., Колузаева Т.В. и Катанова Н.Ф. [7; 14; 15]. В последние годы появляется все больше исследований,

связанных с алекситимией Сифнеоса П.Е., Трунова Д.Г., Бреля Е.Ю. [3;4;13;16]. Например, встречаются исследования, направленные на рассмотрение связи между эмоциональным выгоранием, алекситимией и агрессией у педагогов специального образования Маршалкина А.П., Труфановой Г.К., Хлыстовой Е.В., алекситимией и симптомами эмоционального выгорания у медицинских работников Васильевой И.А., Хамаза М.С., Кайгородовой Н.З., Парамоновой О.В. [5;9]. Однако, конкретных научных исследований, посвященных анализу связи между феноменами эмоционального выгорания и алекситимии крайне мало, как в работах отечественных, так и зарубежных авторов. В исследованиях, направленных на выявление связи между эмоциональным выгоранием, алекситимией и другими состояниями, можно наблюдать наличие положительной корреляции между изучаемыми нами феноменами, однако теоретическое описание данных результатов, возможные факторы и причины, влияющие на подобное проявление феноменов, отсутствуют. Поэтому, целью нашей работы является теоретический обзор литературы о связи феноменов «эмоциональное выгорание» и «алекситимия», а также изучение особенностей их взаимосвязи на основе теоретического материала.

В процессе анализа литературы нам удалось выяснить, что эмоциональное выгорание приводит, согласно трехфакторной модели Маслач К., к эмоциональному истощению, деперсонализации и редуцированию личных достижений [2]. В рамках данной модели Бойко В.В. выделил следующие фазы протекания выгорания: фаза увлечения, тревожного напряжения, фаза стагнации, резистенции, фаза отчаяния, истощения. В нашем исследовании эмоциональное выгорание мы рассматриваем как субклинический синдром.

В настоящее время алекситимия изучается полидисциплинарно, в связи с чем выделяется множество подходов к определению данного феномена: психодинамический, нейробиологический, когнитивный, травматический и социо-психологический [11]. Мы изучаем алекситимию в рамках социо-психологического и когнитивного подходов, рассматривая психологическую, ситуативную, преходящую алекситимию. В социо-психическом подходе к алекситимии подчеркивается взаимодействие между личностью и социальной средой, в которой она функционирует, а в когнитивном подходе отмечается низкий эмоциональный интеллект в качестве предиктора возникновения алекситимии. В рамках данных подходов изучаются механизмы функциональной

алекситимии, которая делится на несколько типов: педагогическая, психологическая и лингвистическая. Психологическая алекситимия, в свою очередь, может быть ситуативной и возникает в случае ощущения психологической опасности в обществе и часто связана с личностной тревожностью и отсутствием навыков саморегуляции. Алекситимию также можно дифференцировать по устойчивости: стабильная и переходящая. Преходящая (адаптационная) алекситимия рассматривается как механизм психологической адаптации к дистрессу и тревоге [13].

К эмоциональному выгоранию приводит множество рабочих стрессов, которые структурируются в категориальную сетку факторов, влияющих на возникновение и протекание негативного состояния. Факторы, способствующие развитию эмоционального выгорания, согласно Колузаевой Т.В. и Катановой Н.Ф., можно разделить на социально-демографические, личностные, организационные и социально-психологические [7]. Крыжановская Н.В. и Скоробогатая А.Д. выделяют три основных фактора: ролевой, личностный, организационный [8].

При анализе различных схем категоризации факторов, способствующих возникновению выгорания, можно отметить специфические, схожие с проявлениями алекситимии [3], например, низкая эмоциональная устойчивость, низкий эмоциональный интеллект, неадекватная самооценка (очень завышена или очень занижена), эмоциональная ригидность, переживание кризиса.

Низкая эмоциональная устойчивость и низкий эмоциональный интеллект как личностные факторы определяют предрасположенность к эмоциональному выгоранию, которые относятся к саморегуляции, стабильности эмоций и адекватному распределению собственных ресурсов с целью сохранения трудоспособности и достижения поставленных целей [8]. Алекситимики и люди, проявляющие сдержанность в эмоциональных выражениях и менее реактивные в социальных взаимодействиях, более склонны к эмоциональному истощению [1]. Алекситимия схожа по факторам возникновения в основном с эмоциональными аспектами выгорания, такими как психоэмоциональное истощение, переживание психотравмирующих обстоятельств и эмоциональная отстраненность [10]. В связи с чем мы можем предполагать наличие данных факторов в качестве предикторов обоих состояний, что является причиной, согласно которой мы можем говорить о взаимосвязи алекситимии и эмоционального выгорания.

Таким образом, анализ литературы позволил выявить факторы, связывающие появление и протекание эмоционального выгорания и алекситимии. Изучение связи между эмоциональным выгоранием и алекситимией поможет разработать эффективные стратегии для предотвращения этих проблем в условиях цифровизации, дистанционного обучения, и общей ситуации в стране [6]. По этой причине требуется дальнейшее изучение связи феноменов с целью получения более полного и целостного знания об особенностях взаимосвязи эмоционального выгорания и алекситимии, а также статистического подтверждения гипотезы.

Библиографический список

1. Акименко А.К. Динамика рефлексивных характеристик личности в структуре профессионального выгорания // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2017. № 4. С. 367–372.
2. Бабанов С.А. Синдром эмоционального выгорания // Газета «Новости медицины и фармации». 2011. С. 21–22 (393–394).
3. Брель Е.Ю. Проблема изучения алекситимии в психологических исследованиях // Вестник КемГУ. 2012. № 3. С. 173–176.
4. Брель Е.Ю., Стоянова И.Я. Феномен алекситимии в клинико-психологических исследованиях (обзор литературы) // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2017; 4 (97): С. 74–81.
5. Васильева И.А., Хамаза М.С., Кайгородова Н.З., Парамонова О.В. Синдром эмоционального выгорания в контексте преобладающей копинг стратегии и выраженности алекситимии на примере онкологического центра «Надежда» // Вестник психологии и педагогики Алтайского государственного университета. 2016. № 1. С. 102–112.
6. Джига Н. Д. Профессиональный стресс и эмоциональное выгорание у педагогов в условиях пандемии COVID-19 и дистанционного образования // Мир науки. Педагогика и психология. 2021. Т. 9, № 6. С. 30.
7. Колузаева Т.В. Эмоциональное выгорание: причины, последствия, способы профилактики // Вестник ХГУ им. Н. Ф. Катанова. 2020. №1. С. 122–130.
8. Крыжановская Н.В., Скоробогатая А.Д. Эмоциональная неустойчивость как фактор развития эмоционального выгорания // Концепт. 2015. № 3. С. 1–6.

9. Маршалкин А.П., Труфанова Г.К., Хлыстова Е.В. Анализ взаимосвязи эмоционального выгорания с проявлениями алекситимии и агрессии у педагогов системы специального образования // Специальное образование. 2019. № 1(53). С. 102–112.

10. Москачева М.А., Холмогорова А.Б., Гаранян Н.Г. Алекситимия и способность к эмпатии // Консультативная психология и психотерапия. 2014. Том 22. № 4. С. 98–114.

11. Полинякина А.Э. Алекситимия как психологический феномен // Проблемы теории и практики современной психологии [Электронный ресурс]: материалы XVII Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. Иркутск, 26–27 апр. 2018 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ». С. 311–314.

12. Тамарская Н.В., Новикова И.С. Профилактика эмоционального выгорания педагогов-психологов // Ярославский педагогический вестник. 2022. № 4(127). С. 88–97.

13. Трунов Д.Г. Виды и механизмы функциональной алекситимии // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2010. № 2. С. 93–98.

14. Чутко Л.С., Козина Н.В. Синдром эмоционального выгорания. Клинические и психологические аспекты // Москва «МЕДпресс-информ». 2015. № 3. С. 9–14.

15. Freudenberger H. J. // Staff burn-out. Journal of Social Issues. 1974. V. 30. P. 159–165.

16. Sifneos P. E. The prevalence of “alexithymic” characteristics in psychosomatic patients // Staff burn-out. Journal of Social Issues. 1973. Vol. 22, № 2. P. 255–262.

**ВЗАИМОСВЯЗЬ СТИЛЯ ВОСПИТАНИЯ В СЕМЬЕ
С РАЗВИТИЕМ АКЦЕНТУАЦИЙ «ЭМОТИВНОСТЬ»
И «ПЕДАнтиЧНОСТЬ»**

Волченкова Анастасия Александровна

Студентка, факультет психологии и педагогики
Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины
246028, Беларусь, г. Гомель, ул. Советская, 104
stasyavol95@yandex.by

Аннотация. В данной статье рассматриваются достоверные взаимосвязи стилей родительского воздействия и развитием акцентуаций у детей, сопровождающихся тревожной симптоматикой. Выделяются и описываются такие виды акцентуации как «эмотивность» и «педантичность», для которых наиболее характерно беспокойство, смятение, опасения и «охранительное» поведение в последствии. Значительное внимание уделяется также и стилям воспитания, способным привести к вышеперечисленным акцентуациям у детей и подростков. Согласно полученным результатам исследования, проведенного автором статьи, в котором принимало участие 52 человека, прослеживаются и описываются достоверные взаимосвязи между данными видами акцентуаций и стилем родительского воздействия в семье.

Ключевые слова: акцентуация, стиль родительского воздействия, эмотивность, педантичность, чрезмерность требований и запретов, чрезмерность санкций.

**THE RELATIONSHIP OF PARENTING STYLE IN THE FAMILY
WITH THE DEVELOPMENT OF ACCENTUATIONS**

Volchenkova Anastasiya Alexandrovna

Student, Faculty of Psychology and Pedagogy
Francisk Skorina Gomel State University
246028, Belarus, Gomel, Sovetskaya st., 104

Abstract. This article discusses significant relationships between parental influence styles and the development of accentuations in children accompanied by anxiety symptoms. Such types of accentuation as “emotivity” and “pedantry” are singled out and described, for which anxiety, confusion, fears and “protective” behavior in the future are most characteristic. Considerable attention is also paid to parenting styles that can lead to the above accentuations in children and adolescents. According to the results of a study conducted by the author of the article, in which 52 people took part, reliable relationships are traced and described between these types of accentuations and the style of parental influence in the family.

Keywords: accentuation, style of parental influence, emotiveness, pedantry, excessive demands and prohibitions, excessive actions.

На формирование определенных черт личности оказывает влияние множество факторов, среди которых можно выделить такие как: воспитание в семье, социум, окружающий мир, врожденные данные и т.д. Все больше ученых приходят к выводу, что наиболее значительное воздействие на развитие ребенка и формирование у него отдельных черт характера оказывается именно родителями (или значимыми взрослыми) при установлении определенных отношений в семье в конкретных условиях или пренебрежением этими условиями.

Наиболее удачный термин был предложен К. Леонгардом – «акцентуированная личность», обозначающий как раз крайний вариант нормы, проявляющийся как акцент, усиление, выраженная черта характера. Акцентуация характера – следствие как факторов наследственности, так и того или иного типа воспитания ребенка. К факторам воспитания, провоцирующим и закрепляющим акцентуации, относят гипеопеку, потворствующее воспитание, эмоциональное отвержение, жестокое или противоречивое воспитание, воспитание в условиях «культы болезни». Книга К. Леонгарда «Акцентуированные личности» впервые на русском языке вышла в 1981 г. В ней ученый рассматривал двенадцать акцентуаций, разделенных на группы по определенным признакам, таким как: особенности высшей нервной деятельности, проявленные в темпераменте, характерологический концепт и личностные особенности [1]. Для выявления взаимосвязи между стилем родительского воздействия и акцентуации у человека были использованы: Тест-опросник Г. Шмишека, К. Леонгарда предназначенный для диагностики типа акцентуации личности, опубликованный Г. Шми-

шекком в 1970 г и являющийся модификацией «Методики изучения акцентуаций личности К. Леонгарда» [2]. Опросник состоит из 88 утверждений, которые в свою очередь сгруппированы по 10 шкалам, каждая из которых соответствует одному направлению акцентуаций: высокая жизненная активность, возбудимость, глубина эмоциональных реакций, педантизм, повышенная тревожность, перепады настроения, демонстративность, неуравновешенность, утомляемость, сила и выраженность эмоций. Опросник «Родителей оценивают дети», состоящий из 120 вопросов, благодаря которым можно исследовать представления детей об их родителях и о том, какая «картина мира» транслировалась испытуемым в их родительской семье, а также какой стиль воспитания применялся [3].

Данные опросники были сгруппированы в один тест с помощью конструктора тестов, разделенный на 3 блока: акцентуации, стиль взаимоотношений в семье и общая информация об участнике опроса (пол, возраст, наличие постоянного партнера). Опрос осуществлялся в условиях анонимности, доступ к ссылке предоставлялся однократно.

В опросе участвовало 52 человека от 18 лет до 41 года. Количество женского пола превалировало над мужским: 34 женщины и 18 мужчин. Также следует отметить, что в долгосрочных отношениях на момент прохождения опроса находилось 61,5% людей (32 человека), их них – 78% женщин в отношениях (25 человек) и 22% мужчин (7 человек). Средний возраст участников составил 29 лет у мужчин и 28 лет у женщин.

При получении результатов опросов и проведении анализа полученных данных, были получены следующие результаты.

Среди участников, прошедших опросники, акцентуации были выявлены у 49 человек из 52.

Наиболее часто встречающимися среди 52 участников были выявлены следующие акцентуации характера: демонстративность (встречается у 23 человек), экзальтированность (21 человек), циклотимность и гипертимность (18 человек в обоих случаях), эмотивность (выявлена у 17 человек). Средние показатели имели такие акцентуации как возбудимость и застревание (10 и 13 человек соответственно). Наименьшие значения получили такие акцентуации как педантичность, тревожность, дистимность (7, 6 и 5 человек соответственно).

Среди всех стилей родительского взаимодействия в семье наиболее часто встречающимся является стиль «недостаточность требований»

запретов» – обнаружен у 40 человек. Далее расположены такие стили как «гипопротекция» (встречается у 10 человек), «потворствование» (18 человек) и «минимальность санкций» (15 человек). Наименьших значений достигли такие стили родительского воздействия в семье как (от больших значений к наименьшим): «чрезмерность санкций» выявлена в семьях у 9 человек, «воспитательная неуверенность родителя» – 9 человек, «чрезмерность требований и запретов» – 7 человек, «проекция на ребенка собственных нежелательных качеств» – 6 человек, «гиперпротекция» – обнаружена у 5 человек, «игнорирование потребностей ребенка» – 5 человек, «недостаточность требований и обязанностей» – 5 человек, «вынесение конфликта между супругами в сферу воспитания ребенка» – стиль обнаружен в семьях у 4 человек, «неустойчивость стиля воспитания» – 4 человека, «чрезмерность требований и обязанностей» – у 3 человек, «неразвитость родительских чувств» – у 3 человек, «расширение сферы родительских чувств» – в семьях у 2 человек, «предпочтение детских качеств» – также у 2 человек, «фобия утраты ребенка» – 1 человек.

В данной статье рассматриваются связи стилей воспитания в семьях и таких акцентуаций характера, как эмотивность и педантичность.

Эмотивность (в исследовании встречается у 17 человек) – характеризуется отличительной чувствительностью и сильным откликом эмоциональной сферы, но в отличие от циклотимности, где также наблюдается лабильность в части эмоций – в данном случае отклик всегда оправдан и вызван конкретной ситуацией (а не только общим внешним фоном). Дети с данной акцентуацией чувствительны, иногда боязливы и тревожны. Также, в отличие от схожей акцентуации экзальтированность, здесь эмоциональный отклик не доходит до крайних точек разных полюсов.

Педантичность (в исследовании встречается у 7 человек) – данный тип акцентуации характеризуется следующими чертами: устойчивость, дисциплинированность, организованность, точность, аккуратность, исполнительность. Однако ввиду ригидности психических процессов для педантичного вида акцентуации явными чертами поведения отмечаются медлительность, вялость, осторожность, отсутствие склонности к спонтанности, творческому приспособлению, незначительная эффективность интеллектуальной деятельности.

При анализе данных, полученных с помощью программы обработки статистических данных SPSS 23.0, были выявлены следующие до-

стостверные ($p < 0,05$) взаимосвязи между стилем родительского воздействия и акцентуацией у ребенка.

1. Чрезмерность требований-обязанностей – эмотивность ($r = 0,313$, $p = 0,024$). При наличии такой достоверной взаимосвязи можно говорить о том, что те родители, для которых основной стратегией воспитания ребенка являлось избыточная форма требований к нему, расширение круга его обязанностей, в дальнейшем имели результат в таких характерных чертах у ребенка, как тревожность, боязливость, чувствительность и эмоциональная отзывчивость, наряду с уязвленностью. Чем больше требований к ребенку в детстве – тем более тревожный и боязливый он вырастет.

2. Недостаточность требований-обязанностей – педантичность ($r = -0,248$, $p = 0,076$). Взаимосвязь между данным стилем родительского воздействия и педантичной акцентуацией у человека в дальнейшем является обратной (выявленный показатель пограничный). Таким образом можно говорить о том, что чем меньше у человека в детском возрасте предъявляемых к нему требований от родителей, чем меньше обязанностей возлагают на него родители – тем более педантичным становится характер. Возможно также взаимосвязь с предыдущей связкой акцентуации и стиля воспитания. Недостаточность требований и обязанностей приводит к повышенной тревожности и боязливости у детей, которые в свою очередь, вырабатывают у себя копинговую стратегию в виде излишней скрупулезности, пунктуальности, точности и аккуратности.

3. Недостаточность требований-запретов к ребенку – эмотивность ($r = -0,353$, $p = 0,01$). Как и в случае взаимосвязи «недостаточность требований-обязанностей» – эмотивность, с недостаточностью требований и запретов и эмотивностью так же существует обратная достоверная взаимосвязь. Чем меньше в семье предъявляется к ребенку требований и запретов касательно недопустимого поведения, чем больше у ребенка простор для совершения действий и отсутствие допустимых рамок – тем более чувствителен, более чутко настроен его эмоциональный диапазон, что может выражаться также в слезливости, тревожности и пугливости.

4. Чрезмерность санкций – педантичность ($r = -0,305$, $p = 0,028$). Согласно полученным данным между чрезмерностью применяемых санкций по отношению к ребенку в детстве и становлением в ходе развития педантичной акцентуации существует обратная корреляция. В данном случае можно судить о том, что чем больше в семье осуществлялась стратегия наказания за проступки, тем меньше человек в

дальнейшем прибегает к стратегии поведения, включающей в себя особую аккуратность, стремление к распорядку, плану и регламенту, а также исполнительность, точность и пунктуальность. При существующих рамках и ограничениях меньше развивается тревога от неизвестности, отсюда и отсутствие потребности прибегнуть к поведению, с помощью которого можно создать правила самостоятельно.

5. Фобия утраты ребенка – педантичность ($r=0,319$, $p=0,021$). Также при таком стиле воспитания в семье как фобия утраты ребенка была обнаружена достоверная взаимосвязь с такой акцентуацией характера, как педантичность. Чем больше ребенок живет в ситуации выраженного страха за свою жизнь, тем с большей вероятностью к подростковому возрасту будут проявлены и закреплены следующие черты характера: добросовестное исполнение правил, аккуратность, тщательное следование предписанным деталям, медлительность в принятии какого-либо решения, а также прилежность и трудолюбие. В некоторых случаях наблюдается перфекционизм.

Таким образом можно сделать вывод, что наиболее способствующими развитию таких акцентуаций как «эмотивность» и «педантичность» являются стили воспитания «Чрезмерность требований – обязанности» и «Фобия утраты ребенка» соответственно.

В подростковом возрасте, когда акцентуации характера проявляются с большей выраженностью, факторы взаимоотношений между детьми и родителями могут оказать наибольшее влияние, обнажая «слабое место» характерной акцентуации. Сохранение же комфортных, гармоничных отношений между ребенком и значимым взрослым будет способствовать профилактике усиления акцентуированного поведения, что может приводить к меньшему количеству психических отклонений и расстройств. Крайне важно, чтобы родительское отношение характеризовалось любовью, уважением и пониманием возрастных, психологических и индивидуальных особенностей ребенка.

Библиографический список

1. Леонгард, К. Акцентуированные личности / К. Леонгард. Киев, 2019. 118 с.
2. Менделевич В.Д. Психология девиантного поведения: учеб. пособие. СПб.: Речь, 2005. 445 с.
3. Фурманов И.А., Аладын А.А., Фурманова Н.В. Психологическая работа с детьми, лишенными родительского попечительства: Книга для психологов. Мн.: Тесей, 1999. 216 с.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЧЕРТ ТЕМНОЙ ТРИАДЫ С ПРОЯВЛЕНИЕМ АГРЕССИИ И ГНЕВА

Игнатова Екатерина Сергеевна

Кандидат психологических наук, зав. кафедрой

Кафедра общей и клинической психологии

Пермский государственный

национальный исследовательский университет

614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15

131013@mail.ru

Бушуева Ирина Николаевна

студентка 4 курса специальности «Клиническая психология»

Философско-социологический факультет

Пермский государственный

национальный исследовательский университет

614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15

ira895233@gmail.com

Аннотация. В статье представлены результаты исследования взаимосвязи черт темной триады с проявлением агрессии и гнева. Выборка составила 100 студентов ПГНИУ в возрасте от 18 до 23 лет. Для проверки гипотез использовались методики: краткая форма опросника «Темная триада»; «Оценка проявлений гнева» Ч.Д. Спилбергера; «Агрессивное поведение» Е.П. Ильина, П.А. Ковалева. Методом статистической обработки выступил корреляционный анализ Спирмена. Обнаружено: 1) нарциссизм и макиавеллизм имеют положительную связь с прямой вербальной агрессией, психопатия имеет положительные взаимосвязи со всеми видами агрессивного поведения; 2) актуальное состояние гнева положительно связано с макиавеллизмом и психопатией; 3) только психопатия имеет положительную взаимосвязь с выражением гнева; 4) макиавеллизм и психопатия положительно связаны с гневливостью личности, нарциссизм не имеет связи с гневом как чертой.

Ключевые слова: темная триада, нарциссизм, макиавеллизм, психопатия, гнев, агрессия, агрессивное поведение.

RELATIONSHIP OF FEATURES OF THE DARK TRIAD WITH THE MANIFESTATION OF AGGRESSION AND ANGER

Ignatova Ekaterina Sergeevna

PhD in Psychology, Head of the Department
Department of General and Clinical Psychology
Perm State University
614068, Perm, Bukireva st., 15

Bushueva Irina Nikolaevna

4th year student of the specialty “Clinical Psychology”
Faculty of Philosophy and Sociology
Perm State University
614068, Perm, Bukireva st., 15

Abstract. The article presents the results of a study of the relationship between the traits of the dark triad and the manifestation of aggression and anger. The sample consisted of 100 students of PSNIU aged 18 to 23 years. To test the hypotheses, the following methods were used: a short form of the “Dark Triad” questionnaire; “Assessment of manifestations of anger” Ch.D. Spielberger; “Aggressive behavior” E.P. Ilyina, P.A. Kovalev. Spiremen’s correlation analysis was used as a statistical processing method. Found: 1) narcissism and Machiavellianism have a positive relationship with direct verbal aggression, psychopathy has a positive relationship with all types of aggressive behavior; 2) the actual state of anger is positively associated with Machiavellianism and psychopathy; 3) only psychopathy has a positive relationship with the expression of anger; 4) Machiavellianism and psychopathy are positively associated with personality anger, narcissism has no connection with anger as a trait.

Keywords: dark triad, narcissism, machiavellianism, psychopathy, anger, aggression, aggressive behavior.

В современной социальной ситуации усиливается интерес к проявлениям агрессии и гнева, которые в т. ч. могут использовать носители черт Темной триады для достижения собственных целей [2].

Агрессивное поведение обусловлено внутренней мотивацией человека создать дискомфортное существование лицу, на которое направлена агрессия. Как правило, данное поведение является деструктивным и противоречит нормам морали и иным социальным нормам [4]. Исследования, посвященные Темной триаде и агрессии, подтверждают наличие положительных взаимосвязей между ними, что позволяет говорить об агрессивности как характерной личностной особенности выраженности черт Темной триады [1], [7].

С одной стороны, агрессивное поведение однозначно направлено на причинение вреда и свидетельствует о высоком уровне агрессивности личности. С другой стороны, проявление агрессии в поведении может быть связано с выражением гнева. При этом ни агрессивность, ни гневливость как черты личности, которые, как правило, встречаются рядом, не предполагают однозначного проявления агрессивного поведения в общении.

Гнев – это защитная эмоциональная реакция, которая побуждает преодолевать эмоционально неприятную ситуацию. Переживание гнева сопровождается изменениями на биологическом (выброс гормонов), телесном (трансформация мимики) и психологическом (ускорение мышления) уровнях. Реакции гнева различаются по природе (психическое состояние, психическое свойство) и интенсивности, вплоть до сильного возмущения, которое может по форме напоминать агрессивное поведение, но иметь иную причину [5]. Исследования, посвященные Темной триаде и гневу, подтверждают наличие положительных взаимосвязей между нарциссизмом и выражением гнева в ответ на замечания и критику [9], [10].

Возникает необходимость обнаружить взаимосвязи между чертами Темной триады и агрессивным поведением, актуальным состоянием гнева, выражением гнева, гневом как чертой. Цель: изучить взаимосвязь черт темной триады с проявлением гнева и агрессии. Исходя из цели можно сформулировать следующие гипотезы: 1) макиавеллизм, нарциссизм и психопатия положительно взаимосвязаны со всеми видами агрессивного поведения; 2) черты Темной триады положительно взаимосвязаны с актуальным состоянием гнева; 3) макиавеллизм, нарциссизм и психопатия имеют положительную взаимосвязь с высоким индексом выражения гнева; 4) показатели макиавеллизма, нарциссизма и психопатии имеют положительную взаимосвязь с гневом как чертой.

Организация исследования. Участие в исследовании было добровольным, респонденты заполняли опросники дистанционно на платформе Online Test Pad.

Выборка: 100 студентов ПГНИУ в возрасте 18–23 лет ($M=21$), из них – 84 женщины.

Методы:

– краткая форма опросника «Темная триада» (Short-Dark Triad, SD3) (в адаптации М.С. Егоровой, О.В. Паршиковой, М.А. Ситниковой) для диагностики макиавеллизма, нарциссизма и психопатии [3];

– опросник «Оценка проявлений гнева» (Staxi-2) Ч.Д. Спилбергера (в адаптации Т.В. Белашиной, О.А. Шамшиковой) для измерения гнева [8];

– методика «Агрессивное поведение» Е.П. Ильина, П.А. Ковалева для диагностики склонности к определенному типу агрессивного поведения [6].

Методы статистической обработки. Для проверки гипотез использовался корреляционный анализ Спирмена в статистической программе JASP 0.17.1

Результаты исследования.

Обнаружено:

– Макиавеллизм и нарциссизм имеют слабую положительную корреляцию с прямой вербальной агрессией (0,23; $p<0,05$), (0,22; $p<0,05$); психопатия положительно коррелирует с косвенной физической агрессией (0,26; $p<0,01$), прямой физической агрессией (0,42; $p<0,001$), прямой вербальной агрессией (0,48; $p<0,001$), косвенной вербальной агрессией (0,28; $p<0,01$).

- Макиавелизм имеет положительные корреляции с гневом как состоянием (0,36; $p<0.001$), как чертой (0,23; $p<0.019$). Нарциссизм не имеет связей со шкалами, оценивающими гнев. Психопатия положительно коррелирует с гневом как состоянием (0,43; $p<0.001$), как чертой (0,47; $p<0.001$) и индексом выражения гнева (0,39; $p<0.001$).

Обсуждение результатов.

Для макиавеллизма и нарциссизма характерен только один вид агрессивного поведения – прямая вербальная агрессия: оскорбление собеседника в лицо без применения физической силы. Психопатию отличает выражение агрессии во всех видах, в первую очередь, в форме прямых оскорблений и применения физической силы. Связь психопатии с косвенной вербальной и физической агрессией ниже, чем с

прямой агрессией: в меньшей степени представлены ситуации обсуждения и оскорбления человека в общении с другими людьми и разрушения посторонних предметов.

Во время исследования у респондентов выявлены связи макиавеллизма и психопатии с переживанием раздражения. В ситуации воздействия раздражителя только психопатия связана с открытым выражением гнева. Также обе черты Темной триады связаны с такой чертой личности, как гневливость. Нарциссизм не обнаружил взаимосвязи с показателями гнева, что не соответствует результатам зарубежных исследований.

Выводы:

1) Нарциссизм и макиавеллизм имеют положительную связь с прямой вербальной агрессией. Психопатия имеет положительные взаимосвязи со всеми видами агрессивного поведения.

2) Вторая гипотеза подтверждена частично: актуальное состояние гнева положительно связано с макиавеллизмом и психопатией

3) Только психопатия имеет положительную взаимосвязь с выражением гнева.

4) Макиавеллизм и психопатия положительно связаны с гневливостью личности. Нарциссизм не имеет связи с гневом как чертой.

Библиографический список

1. Дериш Ф.В. Половые особенности взаимосвязи черт темной триады личности и диспозициональной агрессии // Вестник ПГГПУ. Серия № 1. Психологические и педагогические науки. 2021. № 1. С. 4–12.

2. Егорова М.С., Ситникова М.А. Темная триада // Психологические исследования. 2014. Т. 7, № 38. С. 12.

3. Егорова М.С., Ситникова М.А., Паршикова О.В. Адаптация Короткого опросника Темной триады // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 43. С. 1.

4. Ениколопов С.Н. Актуальные проблемы исследования агрессивного поведения // Прикладная юридическая психология. 2010. № 2. С. 37–47.

5. Изард К.Э. Психология эмоций. СПб.: Издательство «Питер», 1999. С. 172–193.

6. Ильин Е.П. Психология индивидуальных различий. СПб.: Питер, 2004. 701 с.

7. Храмцова Л.М. Связь компонентов Тёмной триады с агрессией и стилем принятия решений в ситуации неопределенности // Студент и наука (гуманитарный цикл) – 2022: материалы международной студенческой научно-практической конференции, Магнитогорск, 22–25 марта 2022 года. Магнитогорск: Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, 2022. С. 1308–1312.

8. Шамшикова О.А., Белашина Т.В. Психометрический анализ опросника «Оценка проявлений гнева» (Staxi-2) Ч.Д. Спилбергера // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 6 (55). С. 269–273.

9. Witte T.H., Callahan K.L., Perez-Lopez M. Narcissism and anger: an exploration of underlying correlates // Psychol. Rep. 2002. № 3, Pt. 1. Pp. 871-5.

10. Li C., Sun Y., Ho M.Y., You J., Shaver P.R., Wang Z. State narcissism and aggression: The mediating roles of anger and hostile attributional bias // Aggress Behav. 2016. № 42 (4). Pp. 333–45.

СОДЕРЖАНИЕ

Козлов М. Ю., Иваницкая Е. Д. СВЯЗЬ ФАКТОРОВ «БОЛЬШОЙ ПЯТЕРКИ» И ПОКАЗАТЕЛЕЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ У ПАЦИЕНТОВ С ДИАГНОЗАМИ РАЗЛИЧНОЙ НОЗОЛОГИИ	3
Цюхай Е. И., Лепарская А. Е. РАЦИОНАЛЬНОСТЬ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ СТУДЕНТАМИ С РАЗЛИЧНЫМ УРОВНЕМ ТРЕВОЖНОСТИ	9
Продовикова А. Г., Семенова А. Д. ОСОБЕННОСТИ САМООТНОШЕНИЯ И МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ ЖЕНЩИН С ВЫСОКИМ УРОВНЕМ ФИЗИЧЕСКОГО ПЕРФЕКЦИОНИЗМА	14
Филипович В. И., Спасюк Т. И., Воронко Е. В. ВЗАИМОСВЯЗЬ ТИПОВ РЕФЛЕКСИВНОСТИ И МЕТАКОГНИТИВНЫХ УБЕЖДЕНИЙ У СТУДЕНТОВ-МЕДИКОВ	25
Глушкова В. К., Фрейманис И. Ф. ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОСВЯЗИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ И АЛЕКСИТИМИИ	31
Волченкова А. А. ВЗАИМОСВЯЗЬ СТИЛЯ ВОСПИТАНИЯ В СЕМЬЕ С РАЗВИТИЕМ АКЦЕНТУАЦИЙ «ЭМОТИВНОСТЬ» И «ПЕДАНТИЧНОСТЬ».....	37
Игнатова Е. С., Бушуева И. Н. ВЗАИМОСВЯЗЬ ЧЕРТ ТЕМНОЙ ТРИАДЫ С ПРОЯВЛЕНИЕМ АГРЕССИИ И ГНЕВА	43

Научное издание

Будущее клинической психологии – 2023

Материалы XVII Всероссийской научно-практической
конференции с международным участием
(г. Пермь, ПГНИУ, 8 июня 2023 г.)

Выпуск 17

The Future of Clinical Psychology – 2023

Materials XVII All-Russian Scientific and Practical
Conference with International Participation
(Perm, PSU, June 8, 2023)

Issue 17

Издается в авторской редакции
Компьютерная верстка: *Ф. В. Дерши*

Подписано к использованию 23.11.2022
Объем данных 0,8 Мб

Размещено в открытом доступе
на сайте www.psu.ru
в разделе НАУКА / Электронные публикации
и в электронной мультимедийной библиотеке ELiS

Управление издательской деятельности
Пермского государственного
национального исследовательского университета
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15